

Нес
190

Д. Х.

Исторический журнал

Веб-публикация: Vive Liberta, 2014

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРАВДА"
1941

Александр Николаевич Чистозвонов

Очерки по истории Швейцарии XIII—XVI веков

1

До образования Швейцарского союза в 1291 году о Швейцарии можно говорить лишь как о понятии чисто географическом. В IX веке швейцарские земли являлись составной частью грандиозной империи Карла Великого. После ее распада, по верденскому договору 843 года, они оказались поделенными между королевствами Лотарингским и Восточнофранкским (последний Германским). Области, отошедшие к Лотарингии, вскоре становятся составной частью герцогства Бургундии; территория же, вошедшая в состав Восточнофранкского королевства, делится на множество фактически независимых графств. Вместе со всей Европой они переживали период феодализации со всеми присущими ему чертами и свойствами. Старинные хроники рисуют этот период истории Швейцарии самыми мрачными красками. Вторжения диких венгерских и сарацинских орд смениются не менее опустошительными и кровопролитными междо-

убымыми войнами, и летописцы с горечью свидетельствуют о многочисленных фактах необузданного грабежа, дикого произвола и безграничного вымогательства со стороны графов и их клеветов.

Борьба германского императора Генриха IV с папой Григорием VII за приоритет власти нашла в Швейцарии живейший отклик. Видные феодальные фамилии Кильбургов, Габсбургов и др., отстаивающие свою независимость, становятся на сторону папы, тогда как недовольные папским абсолютизмом епископы Лозаннский, Женевский и Базельский при采纳ют сторону императора. Швейцарские долины в связи с этим сделались ареной жестоких междоусобных схваток.

В XI веке процесс феодализации в основном закончился. Страна покрылась густой сетью замков и монастырей — этих форпостов и цитadelей феодализма. Рост производительных сил привел к отделению ремесла от сельского хозяйства. Крестовые походы способствовали развитию обме-

на и международных связей, и в Швейцарии, расположенной на скрещении главных путей из Италии в Центральную и Северную Европу, возник ряд городов. Феодалы, получавшие от городов большие доходы, сами основывали новые поселения и давали им льготы и привилегии. Одним из самых ранних городов такого типа является Фрайбург, получивший уже в XII веке вольную грамоту от графа Церингенского.

В то же время не прекращалась борьба за преобладание между швейцарскими феодалами, в процессе которой приобретали все большее и большее могущество графы Габсбургские. Отлично используя смутные времена в своих династических интересах, они путем завоеваний, выгодных перекрестных браков и наследований добились больших приобретений. В 1172 году Габсбурги наследовали угасшему роду Ленцбургов в его правах на кантоны Швиц, Унтервальден, Ааргау и Цюрих, а к началу XIII века достигли господствующего положения в Швейцарии.

Избрание Рудольфа Габсбурга германским императором в 1273 году знаменовало собой дальнейшее усиление Габсбургов, продолжавших округление своих земель войнами и покупкой соседних владений. Вся тяжесть этой завоевательной политики ложилась на плечи швейцарского народа. В 1287 году Рудольф Габсбургский набрал в Швице 15 тысяч солдат для похода в Бургундию; в 1291 году с Цюриха был взят колоссальный экстренный налог в тысячу марок. Присоединение к владениям Габсбургов Люцерна, Гларуса и других областей и наступление на вольности Швица, Ури и Унтервальдена окончательно озлобили швейцарцев. Дальнейшие захваты Габсбургов натолкнулись на решительное противодействие швейцарского крестьянства, имевшего гораздо большие возможности для успешного сопротивления феодальному гнету Габсбургов, чем другие народы. Причина этого заключается в своеобразных чертах развития феодализма в Швейцарии, что сыграло первостепенную роль в процессе складывания Швейцарского союза.

Первой отличительной чертой швейцарского феодализма было сохранение общинного устройства (Markgenossenschaft) в деревне, поддерживавшегося наличием альменд — земель, находящихся в общественном пользовании и включавших в себя в XIII веке большую часть всех удобных земель. В состав альменды входили пастбища, луга, леса, рыбные пруды, торфяники. Члены общины пользовались альмендой в индивидуальном порядке. Право пользования альмендой принадлежало законоправным членам общины, каковыми счита-

тались исключительно главы семей. Пользование альмендой сочеталось с обязательным несением повинностей, регламентированных обычаем. Усадьба, царина, иногда луга находились в частной собственности. Но частная форма собственности была целиком подчинена интересам коллективного пользования землей: наличие принудительного севооборота, право общины использовать частновладельческие участки под пастбища после снятия урожая говорят об этом весьма красноречиво.

Все же наличие частной собственности на землю влекло за собой имущественное расслоение в марке. Документы различают ряд категорий крестьян: полноуправляемых, полуупряемников и, наконец, Tagwirter'ов — безземельных или малоземельных крестьян. Последняя категория становится особенно многочисленной в XVI веке. Такая форма сельской марки в своих общих чертах типична в равной мере и для свободной и для крепостной общины.

Хотя и альменды и марка не сохранились в совершенно чистом виде, тем не менее в сочетании со значительной прослойкой свободного крестьянства, наличие которой было второй своеобразной чертой швейцарской феодальной деревни, они являлись сильнейшим барьера на пути осуществления Габсбургами своих сенаториальных претензий.

Своеобразие социально-экономического строя швейцарской деревни дополнялось значительными по тем временам политическими вольностями ряда швейцарских городов и областей. Бессилие германских императоров принуждало их платить за военную помощь, оказанную им швейцарцами, дарованием привилегий. И мы видим, что Гогенштауфены — предшественники Габсбургов, — особенно заинтересованные в обладании важными для них в стратегическом отношении альпийскими перевалами, даруют право избрания совета Базелю, статуты имперских городов — Цюриху, Берну и Солотурну, положение имперской земли — кантону Ури в 1231 году и вольную грамоту — жителям Швица в 1240 году. Грамота эта гласила, что император берет их «под свое специальное покровительство и под покровительство империи, как свободных людей...»¹. Швич управлялся своим избираемым Landmann'ом, обладавшим судебными правами; жители его собирали для решения своих дел совет общины (Landsgemeinde) и имели свою печать.

Поэтому наступление Габсбургов на вольности швейцарцев вызвало с их сто-

¹ Ван-Мюйден «История швейцарского народа». Т. I, стр. 151. С.-Петербург. 1898.

Император Рудольф Габсбург. XIII век.

роны организованное сопротивление. В Швейцарии сложилась своеобразная коалиция, ядро которой составляло свободное крестьянство. Сохранение марки и альменды давало крестьянам исключительно твердые позиции в их борьбе с сеньориальным гнетом, а благодаря древним вольностям лесные кантоны и города могли противопоставить уже готовые, крепкие политические организации централистским стремлениям Габсбургов. Именно сохранение этих старинных патриархальных учреждений и обясняет дух независимости и несокрушимость воли швейцарцев, которым поют слашевые дифирамбы буржуазные историки.

2

Если при жизни императора Рудольфа владичество Габсбургов в Швейцарии держалось, в известной мере, на его личном авторитете и его дипломатических способностях, то внезапная смерть его в 1291 году и последовавшая за ней обычная склоки среди немецких князей за императорский престол и преобладание послужили толчком к сплочению лесных кантонов с целью защиты своих прав и привилегий. Через 15 дней после смерти императора Рудольфа представители Швица, Ури и Унтервальдена заключили вечный союз, потвержденный клятвой (отсюда и термин «Eidgenosse» — «товарищ по клятве»). Цель союза формулировалась следующим

образом: «Да будет же всем известно, что жители долины Ури, община долины Швиц и община нижней долины Унтервальдена, ввиду худых времен и с целью более успешной защиты и самосохранения по добной воле согласились поддерживать друг друга всеми своими силами, средствами и добрыми услугами, как внутри, так и вне страны, против всякого, кто захочет совершить насилие против них, обеспокоить их или покуситься на их личность или имущество»¹.

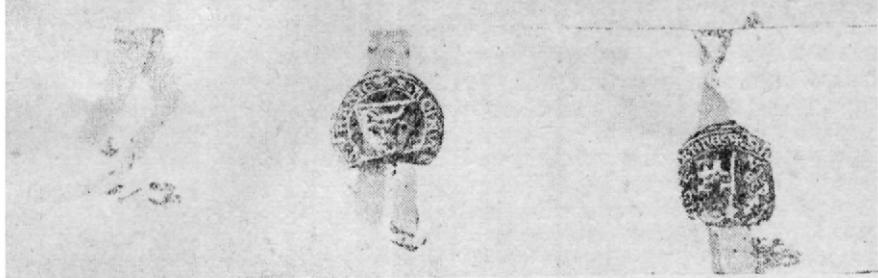
Этот договор и является тем ядром, из которого затем развился Швейцарский союз. Цюрих, присоединившийся к нему в том же году, отошел затем под давлением Габсбургов и окончательно вошел в состав конфедерации лишь в 1351 году. В XV веке все эти события были облечены народом в форму эпической поэмы о Вильгельме Телле, давшей сюжет одноименному гениальному произведению Шиллера. Пока же положение только что родившегося союза было настолько щекотливым, что авторы этого договора поклялись держать его в строжайшей тайне. Будучи еще слишком слабыми, чтобы вступить открыто в схватку с Габсбургами, союзники, пользуясь феодальными расприями внутри самой Швейцарии, дракой князей за императорский престол в Германии, династическими противоречиями между Габсбургской, Франконской и Баварской фамилиями, добивались подтверждения своих вольностей. Но, конечно, такое положение не могло продолжаться до бесконечности, и решительная схватка была неминуема. Повод не заставил себя долго ждать.

Жители Швица давно мечтали прибрать к своим рукам тучные земли монастыря Эйнзидельн, остававшиеся невозвращенными, ибо монахи предпочитали праздное тунеядство тяжелой крестьянской работе. Тем не менее монастырь ревниво оберегал свои права на эту землю от посягательств швейцарских крестьян. Жители Швица решили покончить с такой несправедливостью и силой овладели спорной землей. Монастырь добился у епископа Констанцского отлучения их от церкви. В ответ на это крестьяне в ночь на 7 января 1315 года ворвались в монастырь и разграбили его до тла, в то время как дрожащие от испуга «святые» отцы метались полураздетые по монастырскому двору. Таков был комический пролог к битве при Моргарте, имевшей столь трагические последствия для Габсбургского дома.

Герцог Леопольд I, суперей швейцарских земель, давно искающий повода сбить спесь со швейцарцев, пришел в бешенство,

¹ Ван-Мюйден. Цит. соч. Т. I, стр. 159.

Причины для этого неизвестны, а вероятно, это было связано с тем, что в то время Швейцария находилась под властью императора Фридриха II, который был известен своим жестоким и беспощадным характером. В то же время в Швейцарии существовали различные конфликты между различными группами населения, что также могло способствовать развитию конфликта. Важно отметить, что в то время в Швейцарии не было единого государства, а были различные кантоны, каждый из которых имел свою собственную администрацию и судебную систему. Это создавало условия для конфликтов между различными группами населения.

Договор лесных кантонов о вечном союзе, заключенный в 1291 году.

узнав об этих событиях, и решил покончить с «наглостью грубых мужиков». Он высокомерно отверг посредничество, и обе стороны начали готовиться к войне.

15 ноября 1315 года Леопольд I выступил во главе блестящего и чванливого рыцарского войска по направлению к горному краю Моргартену, расположенному на границе кантонов Цуг и Швиц. Он и его сподвижники рассматривали этот поход как военную прогулку и двигались, преибрегая всякими правилами предосторожности, по узкому ущелью, ограниченному с одной стороны озером, а с другой — крутыми склонами гор. Вдруг с горных высот на это блестящее войско со страшным грохотом обрушилась лавина камней, а вслед за ней хлынул поток свирепых и беспощадных горцев, вооруженных алебардами. Началась страшная резня. Войско Леопольда I обратилось в паническое бегство, оставив на поле сражения 1500 убитых, не считая утонувших в озере.

Политическое и моральное значение этой битвы было исключительно велико. Престижу дома Габсбургов был нанесен чувствительный удар.

Победа конфедератов нашла свое оформление в новом договоре, 1315 года, составленном в гораздо более уверенном тоне и уже не тайном, а публичном. Внешняя политика членов союза рассматривалась в этом договоре как общее дело, а сеньоры, применяющие вооруженное насилие по отношению к подданным, обявлялись лишенными своих прав. Положение союза значительно укрепилось, и XIV век был эпохой его быстрого роста, особенно за счет городов.

Швейцарские города, расположенные в исключительно выгодных географических условиях, развивались очень быстро. Большинство из них, рано разбогатевшее на посреднической торговле, получило широкие привилегии при самом своем возникновении. В XIV веке города Швейцарии переживали период экономического расцвета. В Базеле, Люцерне, Фрайбурге, Сен-Галлене развилось производство сукон и кожи. Цюрих был крупнейшим центром шелкотядильной и кожевенной промышленности; Женева уже тогда славилась своими ювелирными изделиями. Купцы швейцарских городов заключали крупные торговые и кредитные сделки. Повсюду создавались цехи и купеческие корпорации. Города опоясывались линиями мощных стен. Под их защитой рядом с невзрачными домами бургевров возникали великолепные ратуши, роскошные здания купеческих гильдий и ремесленных цехов и гордо устремлялась вверх причудливая готика кафедральных соборов. Города, наиболее развитые в торгово-промышленном отношении, — Цюрих и Базель, — скоро становятся ареной острых социальных конфликтов и цеховых восстаний, в результате которых к концу XIV века ремесленные цехи Цюриха и Берна добились своего представительства в городских советах.

Но XIV век был в то же время и периодом усиления власти местных князей, пользовавшихся бесспорным императорами. Используя свободу, предоставленную им Золотой буллой Карла IV, они повели решительное наступление на вольности городов, одновременно стремясь прибрать к

рукам и вольные и имперские города. Естественно, что швейцарские города видели для себя очень выгодного союзника в лице союза лесных кантонов, и конфедерация быстро пополнилась за их счет новыми членами. В 1332 году к ней присоединился Люцерн, в 1351 году — Цюрих, Гларус и Цуг, в 1353 году — Берн. Присоединение их сопровождалось бесконечными войнами с сеньорами, осложнявшимися борьбой внутри самих городов против патрициата, сроднившегося с феодальными фамилиями и выступавшего против присоединения городов к конфедерации. Страницы хроник пестрят сообщениями о драматических событиях, так называемых «ночах убийств» (*Mordnächte*), во время которых горожане ликвидировали предательские заговоры патрициев и феодалов.

Города германского герцогства Швабии, граничащего со Швейцарией, создали лигу, преследующую цели борьбы со своеобразием местных князей. Присоединение к лиге в 1385 году Берна, Цюриха, Люцерна и других швейцарских городов вовлекло конфедерацию в общемперскую политическую борьбу. Весной 1386 года Леопольд III, совмещавший свои суверенные права над некоторыми швейцарскими землями с должностью наместника имперских городов Верхней Германии и потому вовлеченный в войну и со швейцарцами и со швабскими городами, сделал ловкий дипломатический ход: помирившись со швабскими городами, он оставил швейцарцев без союзников.

Следствием этого и была битва при Земпахе в 1386 году.

Швейцарские вожди отлично использовали выгоны пересеченной местности поля битвы; после первой неудачной массовой атаки арьергарда они предприняли тактику рассыпного боя и внезапного удара главными силами, до того находившимися за прикрытием. Спешившиеся рыцари, скованные в своих движениях тяжелыми латами и длинными пикиами, ставшими бесполезными после прорыва их фронта, были разгромлены и обратились в бегство. Швейцарцы, по словам летописца, «так крепко были их своими аллебардами, что ничто не могло устоять перед их ударами»¹.

Битва при Земпахе была выдающимся событием, на долго сохранившимся в памяти швейцарского народа. С этой битвой связана легенда о подвиге воина Арнольда Вилькенрида, пожертвовавшего своей жизнью ради достижения победы. В момент, когда швейцарцы готовы были дрогнуть под написком сплоченного фронта

рыцарей-латников, Вилькенрид схватил своими мощными руками охапку вражеских копий, воткнул их в землю и проложил своим путем во вражеские ряды, заплатив за это своей жизнью. Песня, посвященная битве при Земпахе, «*Sempacher Lied*» следующими словами описывает героический поступок Арнольда Вилькенрида:

«Твердо было войско дворян, густым и широким был их боевой строй... Некий Вилькенрид сказал: «Ха! Если вы позаботитесь о моих бедных детях и жене, я отважусь на смелое дело...» Сказав это, он быстро схватывает охапку копий; для своих прокладывает он дорогу и умирает. Ха! Он обладает храбростью льва»². Такова легенда. Фактически же этот эпизод, передвинутый народным сказанием на 136 лет назад, имел место в битве при Бикокке (1522 год), где Арнольд Вилькенрид, предводитель швейцарского отряда сельчан, погиб в схватке с командиром немецких ландскнехтов Фрундебергом.

Результатом битвы при Земпахе было заключение мирного договора 1389 года, по которому Швейцария признавалась правомочным государством.

3

Швейцарский союз уже в процессе формирования доказал свою жизнеспособность блестящими военными и внешнеполитическими успехами, приводившими в изумление всех современников. Каков же был внутренний строй этого молодого государства?

Централизованной монархией оно не могло стать уже потому, что швейцарцы вели борьбу как раз с централизаторскими стремлениями Габсбургов. Еще менее оно могло принять форму вольного дворянского государства типа польской шляхетской вольницы, чему противоречил характер общественно-экономического строя Швейцарии. Путь превращения в федеративную аристократическую республику был закрыт упорным сопротивлением лесных кантонов и эгоистическим партикуляризмом городов. Оно не могло стать и демократической республикой, ибо для этого еще не созрели соответствующие социально-экономические предпосылки. Оставался единственный путь государственного обединения — конфедерация, или союз государств. Именно такую форму и принял Швейцарский союз с самого начала.

Хотя швейцарская конфедерация и была демократична для своего времени, все же ее демократизм был весьма ограниченным. Потеряв возможность непосредственно

¹ Ван-Майден. Цит. соч. Т. I, стр. 228—229.

² См. там же, стр. 229—230.

управлять швейцарскими землями, феодалы, пользуясь своим частично сохранившимся экономическим могуществом, оказывали подчас довольно существенное косвенное влияние на политику швейцарских кантонов, особенно в ранний период существования конфедерации. Поэтому словословия швейцарских националистических историков, превозносящих договор 1291 года как колыбель швейцарской свободы, следует принимать с большими оговорками. Нельзя представлять себе швейцарскую конфедерацию как «мужицкое царство» — заблуждение, весьма распространенное среди немецких крестьян, видевших в ней свой идеал во времена крестьянской войны в Германии.

Энгельс характеризовал лесные кантоны как области, где «...несмотря на демократическую конституцию, населением, состоящим из невежественных пастухов, управляют на патриархальных началах несколько богатых землевладельцев»¹, где «...варварство сохранилось в своем первоначальном виде почти вплоть до питания жеудями»².

Эти обстоятельства нашли свое отражение и в тексте самого договора, составленного весьма предупредительно по отношению к сеньориальным правам Габсбургов. В нем оговаривалось, что все его положения должны выполняться «без ущерба для обязательств, которые, смотря по положению каждого, лежат на нем по отношению к сеньору»³. Люцерн и ряд других кантонов вступили в конфедерацию, влача за собой кандалы сеньориальной зависимости уже после того, как в коренных кантонах она была в основном ликвидирована. Правда, в процессе дальнейшей борьбы швейцарцы смелее ликвидировали сеньориальные оковы, но лишь по отношению к феодалам, выступавшим против них с оружием на поле битвы. Но даже и в этих случаях их ликвидация часто принимала форму выкупа; сеньор, или фогт, уступал свои феодальные права «добровольно» (auf Gnaden) общине за соответствующую мзду.

Швейцарцы боролись, по существу, не против всей системы феодальных общественных отношений, а за старинные вольности, стремясь консервировать старые патриархальные отношения. Это обстоятельство со всей силой сказалось значительно позднее — в XVII—XVIII веках. Другое внутреннее противоречие конфедерации — противоречие интересов городских и лесных кантонов — проявилось с

самого начала, все время нарастаая, пока не превратилось в непримиримый антагонизм.

В соответствии с духом узкого партикуляризма, типичного вообще для Швейцарии всех времен, такие могущественные города, как Цюрих и Берн, с самого начала претендовали на особое, привилегированное положение в союзе. Энгельс со свойственным ему сатирическим даром рисует следующим образом соотношение сил лесных и городских кантонов: «...честные, упорные альпийские пастухи... освободились от господства австрийского орла, чтобы попасть под иго цюрихских, люцернских, бернских и базельских буржуа. Эти горожане заметили, что коренные швейцарцы так же сильны и так же глупы, как и их быки. Они вошли в Швейцарский союз и с тех пор спокойно сидели дома за прилавком, в то время как твердоголовые альпийские пастухи воевали за них с дворянством и князьями. Так было при Земпхе, Грансоне, Муртене и Нанси. Им оставили при этом право устраивать свои внутренние дела по своему усмотрению, и они остались в счастливейшем неведении относительно того, как эксплуатируют их возлюбленные братья по союзу»⁴.

Эта картина вполне соответствовала действительности. Цюрих поставил условием вступления в союз независимость своей внешней политики. Кроме того в случае каких-либо столкновений лесные кантоны обязывались немедленно идти ему на помощь, не дожинаясь формального призыва. Договор 1353 года с Берном был в точностиписан с цюрихского. В Берне лесные кантоны видели противовес великороджевым стремлениям Цюриха, и они не ошиблись. На следующий же год войска Берна, как союзного Австрии города (и Берн и Цюрих, руководясь местными интересами, не порывали союза с Австрией), вступили с войсками Габсбургов осадили... город Цюрих. Такое положение вещей создало с самого начала сильнейшие центробежные тенденции, грозившие единству швейцарской конфедерации.

Все же между кантонами существовали не только разногласия, но и известная связь, отразившаяся в двух документах, относящихся к XIV веку.

Первый из них — так называемый «акт о священниках» (Pfaffenbrief). По этому акту, духовенство лишалось всякой юрисдикции, выходящей за пределы чисто религиозных вопросов. Апелляции в иноземные суды, в том числе и в папскую курию, запрещались. Священники, нару-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 228.

² Там же. стр. 227.

³ Ван-Мюйден. Цит. соч. Т. I, стр. 159.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 229.

шившие этот акт, лишились покровительства закона Кантоны взаимно обязывались поддерживать порядок и безопасность на своей территории.

Вторым документом является земпахский договор. Основные положения его следующие: все люди стремятся жить в мире и безопасности как у домашнего очага, так и в пути; поэтому собственность должна перущимо соблюдаться, а приезжие куницы пользуются гостеприимством жителей и покровительством властей; высшим долгом каждого является защита родной земли, а трусость и бегство с поля битвы должны караться самым суровым образом; военная добыча делится соразмерно с силами союзников, участвовавших в деле¹.

Как ни примитивно содержание этих договоров, все же они представляли известный шаг вперед в деле внутренней консолидации Швейцарии. Оба акта решительно запрещали получение пенсий от иностранных государей.

4

С начала XV века, уверенные в своих силах конфедераты переходят от войн оборонительных к войнам наступательным и захватническим.

Пробным шагом в этом направлении были итальянские войны. Издавна связанные торговыми сношениями с Миланом, жители Швица и Ури жадным оком смотрели на пограничные земли Миланского герцогства — Левентину, Беллинтону и богатую долину Оссола. Мир с Австрией развязал им руки, и они сочли момент достаточно удобным, чтобы овладеть этими лакомыми кусками. Разлад между завоевателями и энергичными военные действия со стороны герцога Миланского, владельца этих областей, осложнили в дальнейшем положение лесных кантонов. Военные действия долго шли с переменным успехом и лишь в 1440 году закончились победой Ури, окончательно овладевшего Беллинтоной.

Ободренные первыми успехами, швейцарцы все шире развертывали наступление на соседние области. Воспользовавшись конфликтом между императором и Австрией, они захватили в 1415 году коренную провинцию Габсбургов Ааргау, а в 1469 году такой же участии подверглась и другая исконная австрийская провинция — Тюргау. Собравшись с силами, австрийский герцог Сигизмунд III решил отомстить за такое унижение и начал военные действия против швейцарцев. Но терпевший поражение за поражением в этой войне Сигизмунд вынужден был за-

ключить позорнейший для своего престижа Вальдсгутский мир, по условиям которого он отказывался от своих прав на захваченные швейцарцами области и обязывался уплатить им 10 тысяч флоринов контрибуции.

Финансовое положение его сделалось столь плачевным, что ради получения денег, необходимых для уплаты контрибуции, он отдал в залог за 50 тысяч флоринов свои эльзасские владения бургундскому герцогу Карлу Смелому. Сигизмунд считал, что совершил очень ловкий ход, ибо Карл Смешный должен был теперь защищать эти земли собственными силами от притязаний Берна, давно строившего планы их завоевания. В действительности Карл Смешный не собирался из-за эльзасских владений Сигизмунда портить отношения со своими соседями-швейцарцами. Но в дипломатическую игру вмешался новый участник — французский король Людовик XI, всеми средствами стремившийся сокрушить могущество Бургундского дома, мешавшего ему в деле политической централизации Франции. Людовик XI, умело используя экспансионистские стремления Берна в отношении Эльзаса, добился того, что слабые в дипломатии, но сильные на поле боя швейцарцы дали вовлечь себя в коалицию Империи и Франции против Бургундии. Таким образом, Карл Смешный вынужден был вступить в войну.

Наивные швейцарцы, рассчитывавшие играть второстепенную роль в предстоящей войне, были вероломно преданы своими союзниками. Людовик XI, испугавшись военного могущества Карла Смешного, а вслед за ним и император Фридрих, желавший отомстить швейцарцам за обиды, нанесенные ими Габсбургам, неожиданно заключили сепаратный мир с Карлом Смешным. Последний решил жестоко наказать швейцарцев.

Однако ход военных действий в швейцарско-бургундской войне принял неожиданный оборот. Первой в цепи трагических битв этой войны была битва при Грансоне 2 марта 1476 года. Карл Смешный, уверенный в своей победе, беспечно двигался от Грансона навстречу швейцарцам во главе 14-тысячной армии, подкрепленной самой сильной в Европе артиллерией, состоявшей из нескольких сот пушек. Внезапно он натолкнулся на швейцарское ополчение. Сражение разыгралось неожиданно для обеих сторон. Карл не сумел использовать преимущество своей позиции и выгоды во времени, бывшей на его стороне. Атака его кошных жандармов была отражена швейцарским авангардом, и в дальнейшем сражение быстро превратилось в разгром бургундской армии. Потери бургундов людьми были невелики, всего не-

¹ См. Ван-Мюйден. Цит. соч. Т. I, стр. 236.

сколько сот человек, по очень значителен был моральный эффект. Велик бы и материальный ущерб, понесенный Карлом Смелым. Вся его артиллерия и отроный обоз оказались в руках победителей. Карл Смешной, болезненно любивший роскошь, выступил в поход со своей драгоценной золотой и серебряной посудой, бриллиантами, роскошным гардеробом, сотнями шелковых и бархатных боевых шатров, шитых золотом. Ликующие победители делили эту добычу несколько дней.

Следующее сражение, еще более удачное для швейцарцев, разыгралось 22 мая 1476 года близ Муртена. Карл Смешной, хвастливо заявивший, что сотрет Берн «лица земли, а на его развалинах поставит камень с надписью «Здесь стоял город, ранее называвшийся Берном», не учел печального опыта Грансопа. Хотя армия его была больше по количеству, достигая 20 тысяч человек, и находилась в укрепленном лагере, он дал опять захватить себя врасплох. Стремительным нападком швейцарцы быстро смяли посты передового охранения бургундцев и, ворвавшись в лагерь, привели в полное смятение главные силы, находившиеся в лагере. Армия Карла Смелого «пришла в полное расстройство в более короткий промежуток времени, чем какой нужен был для того, чтобы прочесть Miserere (католическая молитва). — А. III.»¹, — сообщает миланский посол Шапитарола. Бургундцы потерпели окончательное поражение: семь тысяч их — треть армии — погибло на поле битвы. Потери швейцарцев были незначительны.

В битве при Нанси (5 января 1477 года), где швейцарцы дрались в качестве паемников герцога Лотарингского, Карл Смешной с самого начала находился в затруднительном положении. Хотя позиция его и была достаточно сильна с фронта, зато он имел в тылу гарнизон осажденного Нанси, войско, в два раза меньшее по численности чем у врага, и слабые фланги. Противник, воспользовавшись метелью, удачно маскировавшей его обходное движение, почти одновременно ударил по обоим флангам бургундцев и быстро одержал полную победу. В этой битве пал и сам Карл Смешной. Таков был эпилог кровавой эпохи бургундских войн.

Бургундия как могущественное государство прекратила свое существование. Но для Швейцарии не наступила длительная передышка от изнурительных войн. По-прежнему продолжались мелкие стычки с соседями, завершившиеся в конце XV века швабской войной. Последняя была вызвана централизаторскими действиями императора Максимилиана. Он решил во что

¹ См. Вайн-Мюйден. Цит. соч. Т I, стр. 335.

Печать кантона Швиц. 1291 год.

бы то ни стало укрепить трещавшее по всем швам здание «Священной империи» и подчинить все формально входившие в ее состав земли единому французскому и политическому контролю имперской палаты. Швейцарцы отказались ему подчиниться и заключили союз с Францией против Империи. Начавшиеся военные действия неизменно складывались в их пользу, и в 1499 году Максимилиан подписал унизительный для себя мир, устанавливавший de facto независимость Швейцарии от императора.

Окончательно свои споры с Габсбургами швейцарцы покончили наследственным миром, заключенным в 1511 году в Батене. Обе стороны обязывались соблюдать вечный мир и взаимно не стеснять торговую свободу. Конфедерация за ежегодную пен-

Печать кантона Ури. 1291 год.

сию по 200 флоринов на каждый полноправный кантон и по 100 флоринов на

Печать кантона Унтервальден. 1291 год.

каждую союзную землю брала под свое покровительство Франш-Конте (графство Бургундское).

Рост конфедерации за это время шел не только за счет завоеваний, но попрежнему за счет присоединения к ней новых полноправных кантонов и союзных земель. В 1481 году к ней присоединились Фрейбург и Солотурн, в 1501 году — Шаффгаузен и Базель; с присоединением в 1513 году Аппенцелля число полноправных кантонов достигло 13 (таким оно и оставалось до самой швейцарской революции 1848 года).

Переход швейцарцев к завоеваниям ознаменовался большими сдвигами внутри самой конфедерации, причем сдвигами отрицательного характера. Итальянские провинции: Ааргау, Тюргау и множество других областей — не только не получили равноправия и свободы после их завоевания швейцарцами, а оказались еще более угнетенными. Роль их прежних сеньоров взяла на себя вся конфедерация. Ими управляли поочередно по 2 года фогты каждого кантона, грабившие подчиненные им области самым безудержным образом. Каждый кантон кроме того обзавелся еще собственными фогтствами, рассматриваемыми им как неиссякаемый источник доходов. Союзные земли: Биль, Герсау, аббатство и город Сен-Галлен, Ротвейль, Мильтгаузен, Женева, Невшатель, Граубюнден и Валлис — не имели права голоса при решении внутрисоюзных и внешнеполитических вопросов и находились фактически в состоянии подданства.

Швейцарцы, дотоле так кичившиеся своей свободой и демократичностью, теперь несли другим рабство и подчинение. Конфликты между лесными и городскими кантонами все учащались и принимали

все более резкие формы, сводя на нет блестящие военные успехи конфедерации.

Из-за дележа выморочной сеньории Тоггенбургов вспыхнула в 1440 году война между лесными кантонами и Цюрихом. Присоединение Валлиса сопровождалось острым военным конфликтом между лесными кантонами и Берном. Если лесные кантонды не были достаточно политически зрелыми, чтобы стать во главе конфедерации, то у них оказывалось достаточно сообразительности, чтобы расстроить широкие планы своих городских собратьев по союзу. Особенно показательны в этом отношении политические итоги бургундских войн, столь жалкие по сравнению с военными успехами, одержанными в них швейцарцами. Уже при Грансоне и Муртене лесные кантонды с большой неохотой приходили на помощь Берну, жадно тянувшись к бургундским землям, и лишь в тот момент, когда промедление грозило интересам их собственной безопасности. Разбив врача и поделив награбленное, войска лесных кантонов немедленно возвращались обратно, не помышляя об использовании результатов своей победы. Их незапланированность в этих землях и боязнь дальнейшего усиления и без того слишком могущественного Берна перевешивали в них злобу к врагу. Когда же битва при Нанси окончательно ликвидировала Бургундское герцогство, послы лесных кантонов охотно дали себя обойти ловкому интригану Людовику XI. Они согласились возвратить страну Во, уже оккупированную Берном, Савойе, отказались от Франш-Конте, жадными руками хватали французское золото и ради личной выгоды и узкого партикуляризма продали общие интересы конфедерации королю Франции.

Кончилось это печально. В войне, завязавшейся между Людовиком XI и Максимилианом I из-за дележа бургундского наследства, швейцарские наемники дрались с равным озлоблением в войсках обеих воюющих сторон, что вызвало в стране бурю негодования. Мелкие и своекорыстные интересы господствовали над общей целью. Это сказалось и в конфликте, разгоревшемся по вопросу о принятии в союз Фрейбурга и Солотурна. Лесные кантонды, боясь нарушения выгодного для них соотношения голосов 5 : 3 в совете конфедерации, решительно возражали против предоставления полноправия Фрейбургу. Дело дошло до больших внутренних беспорядков и анархии. Распоясавшиеся банды военных наемников совершили самовольные завоевательные походы в соседние земли, и лишь в 1481 году был заключен спасительный Станнский договор, смягчивший на время внутренние противоречия в

стране и сыгравший выдающуюся роль в истории Швейцарии.

Образовавшийся в процессе конфликта особый союз шести городов был распущен. Фрайбург и Солотурн были приняты в конфедерацию без права ведения самостоятельной внешней политики. Всякое своеобразие подданных подлежало пресечению военными мерами.

Странский договор все же был слишком слабой преградой в сравнении с напором тех сил, сдерживать которые он был призван. Войску швейцарцев «становилось все более и более разгузанным и склонным к грабежу»¹, — замечает Дельбрюк.

Все противоречия швейцарской конфедерации прорвались в событиях, приведших в начале XVI века к войне с Францией и битве при Мариньяно. Швейцарцы, служившие в войсках герцога Миланского, на основании капитуляции 1373 года, избавленные безнаказанностью, ободряемые политическим бесенствием Италии и молчаливой блажескостьюю властей лесных кантонов, захватили в 1513 году Милан, поставив его под фактический протекторат конфедерации. Это было совсем не то душе французскому королю Франциску I, имевшему относительно Милана свои собственные планы. Угрозами, подкупами, поглотившими около миллиона флоринов, и умелым использованием противоречий между лесными кантонами и Берном, не заинтересованными в Милане и горевшим желанием отомстить лесным кантонам за их вероломство в отношении страны Во, Франциску удалось склонить конфедератов к уступке ему Милана и заключить с ними соглашение о вечном мире и вербовке наемников. По заключении договора весьма им довольные бернцы немедленно пустили в своюси; однако войска лесных кантонов, крайне возмущенные его условиями, остались на месте. Конфликт между Францией и лесными кантонами был обострен римским папой, так как это соглашение противоречило интересам его святейшества, отнюдь не желавшего иметь в качестве столь близкого соседа короля Франции. Поэтому папский агент кардинал Шиннер получил задание спровоцировать столкновение между французами и швейцарцами. Ловкий пройдоха Шиннер успешно справился с поручением, и мелкий инцидент благодаря провокации перерос в сражение при Мариньяно 13 сентября 1515 года.

Швейцарцы, оказавшиеся на невыгодных позициях перед численно превосходящей их и снабженной мощной артиллерией армией Франциска I, вынуждены были впервые отступить с поля битвы, понеся очень большие потери. От полного разгрома

¹ Г. Дельбрюк «История военного искусства». Т. IV, стр. 77. М. Госвоенгиз. 1938.

Швейцарский пехотинец. XV век.

спасли их лишь политические соображения Франциска I, желающего видеть в них не врагов, а будущих союзников. Сражение это, трактуемое традицией как легендарная битва гигантов, на самом деле не предстает ничего интересного. Дельбрюк говорит, что считал бы его даже недостойным упоминания в военной истории, «если бы не представлялось полезным отровергнуть ложную традицию более правильным изображением и в то же время дать яркую иллюстрацию сражения, искаженного политикой»².

После этих событий заключенный ранее договор был подтвержден и оказался поворотным пунктом в истории Швейцарии, надолго втянув ее в орбиту французской политики. В итоге описанных событий и без того чахлое дерево швейцарской свободы еще ниже опустило свои ветви под тяжестью всех этих преступлений против тех принципов, во имя которых оно было возвращено в конце XIII столетия.

Но если швейцарская свобода была довольно призрачна, то вполне реальная была военная доблесть ее сынов, ради которой монументальнейшие государи Европы сорились золотом, а их послы льстиво засыпали перед влиятельными деятелями швейцарских кантонов.

5

Причину высокой оценки, даваемой современниками швейцарским наемникам, мы легко объясним, если познакомимся в самых общих чертах с тенденциями развития

² Г. Дельбрюк. Цит. соч. Т. IV, стр. 81.

военного дела в XVI веке и боевыми качествами швейцарских наемных войск. Рыцарская конница, игравшая решающее значение на протяжении всего средневековья, предоставляла пехоте ничтожную, чисто вспомогательную роль. Центр тяжести битвы ложился не на тактический маневр и действие крупных соединений, а на индивидуальный бой, вследствие чего все сражения средневековья представляли, по сути дела, сумму разрозненных стычек, где решающее значение для достижения победы имели личные боевые качества каждого отдельного воина.

Развитие огнестрельного оружия внесло крупные изменения в эту тактику. Решающими теперь стали тактические действия крупных соединений пехоты, совершенство оттеснявших на задний план прежнего господина поля боя — рыцарей, закованых в латы. Последние играли теперь второстепенную роль и даже это свое положение сохранили, лишь превращаясь в кавалерию, действующую более или менее сплоченной массой и применяющую, помимо холодного оружия, и огнестрельное, как это сделали немецкие рейтары. Гениальный политик и военный теоретик XVI века Макиавелли так оценивал тогда соотношение обоих видов оружия: «Конница, конечно, нужна, но все же это не первая, а вторая основа войска»¹, ибо «жизненной силой всякого войска, без сомнения, является пехота»². Основным контингентом для пехоты могло служить лишь крестьянство, но классовое чутье вполне определенно подсказывало феодалам всю приспособленность вооружения своих собственных крепостных. Единственным выходом из этого положения было создание многочисленных наемных армий, которые становятся основой военных сил феодальных государств Европы в XVI веке, предпочитавших, скорее, терпеть своеобразие разгузданной наемной военщины, нежели стать ареной крестьянских восстаний.

Новые условия боя предъявляли совершенно иные требования к солдату и командиру. Требовалось — хотя и элементарное — тактическое единство действий, подвижность, маневренность, умение применяться к местности и, наконец, самое главное — жесткая дисциплина. Эти качества в совокупности были присущи швейцарцам более чем каким-либо другим войскам того времени.

Этот маленький народ вынес многовековую, напряженную борьбу за независимость и вписал немало славных страниц в историю развития военного искусства. В ходе этой многовековой борьбы и выработался у швейцарцев нестигаемый

дух и несокрушимая вера в силу своего оружия. Их военное мастерство не было плодом теоретического творчества гениального полководца, а складывалось эмпирически и проверялось в огне многочисленных битв. Слишком бедные для того, чтобы содержать конное войско, закованное в латы, швейцарцы должны были с самого начала усвоить тактику ведения боя большими сплоченными массами, что вообще составляет специфическую черту тактики народных армий прошлого. Внезапность удара, умелое использование выгод местности — дополнительные причины их успехов.

Вооружение швейцарцев вначале не отличалось разнообразием. Они в подавляющем большинстве были вооружены аллебардами. Владение этим оружием требовало минимума искусства, но зато огромной физической силы. В XV веке швейцарцы, после первых столкновений с итальянскими копьеметчиками, переняли у них длинные пики, которые приобрели в XVI веке господствующее значение. Это новое вооружение в сочетании с гибкостью, подвижностью и дисциплинированностью создало исключительное преимущество швейцарской пехоте.

Наемные войска швейцарцев выросли организационно из системы народной милиции, сохранившейся в Швейцарии с патриархальных времен, и лишь в мелочах — большая организованность, лучшие качества вооружения — отличались от территориальных войск. Полк и рота были хозяйственными единицами. Тактической единицей была батария, размеры которой определялись в зависимости от совокупности условий боя. В марше полк обычно охранялся кавалерией. Он расчленялся на роты, построенные таким образом, впереди шли панцирные копейщики, в середине — аллебардники, по углам — стрелки, замыкающие — беспанцирные копейщики. Такое построение в случае неожиданного нападения давало возможность быстро построиться в боевом порядке. Передний и задний ряды копейщиков прикрывали соответствующие фланги, стрелки выступали вперед и открывали огонь по приближающемуся противнику, а под их прикрытием сокинувшиеся батарии образовывали знаменитый швейцарский «Igel» («еж»), ощетинившийся тысячами копий. Интенданты рот составляли своеобразное передовое охранение, часто с боями отбивавшее отставший обоз противника.

В бою швейцарский полк делился на авангард, главную батарию и арьергард. Создаваемая этим эшелонированием глубина наступавшей части гарантировала от случайностей и обеспечивала возможность

¹ Н. Макиавелли «О военном искусстве», стр. 65. Военгиз М. 1939

² Там же, стр. 34.

поддержки передовых частей и обходного флангового движения. Фланги обычно прикрывались кавалерией или связанными железными цепями повозками («Wagenburg»). Построенные таким образом, швейцарцы бесстрашиюшли в атаку, и обычно первым же нападком юноши прорывали фронт противника. Тогда наступала очередь аллебардщиков. Строй размыкался, аллебардщики творили разгром и вели преследование врага. Все современники отмечают исключительное упорство швейцарцев в бою. Если они даже оказывались рассеянными, то собирались кучками и продолжали драться камнями и всем, что попадало под руку. «Они позволяли убивать себя за свое жалованье с величайшей добросовестностью»¹, — отмечал Энгельс.

Очень интересна внутренняя организация швейцарских войск. Их уставы предписывали строжайшую дисциплинированность. Бегство с поля боя рассматривалось как самое тяжкое и постыдное преступление. «Если кто-либо побежит или отступит, то ближайший, кто бы он ни был, должен убить этого беглеца, и совершивший это убийство не должен нести за то никакой ответственности»², — гласил один из параграфов их военного устава.

Дезертирство, азартные игры, пьянство, богохульство, насилие и разнузданность наказывались самым суровым образом. Кауфальная служба строго регламентировалась, и самовольный уход с поста рассматривался как один из самых тяжелых проступков. Всех врагов предписывалось беспощадно убивать, за исключением наиболее знатных, за которых можно было получить большой выкуп. В полку существовал свои суд, разбравший все проступки дисциплинарного, уголовного и гражданского характера по законам родины.

Таковы в общих чертах тактические приемы и система организации швейцарских войск, сделавшихся образцом для европейской пехоты XVI века. Слава швейцарцев была настолько широка, что каждый государь и даже владетельный князь старался достать себе хоть несколько швейцарских наемников в качестве личной стражи. Стражники-швейцарцы были так популярны, что сделались синонимом этой должности, откуда проходит и самый термин «швейцар», получивший бытовое значение и сохранившийся до нашего времени.

Последовавшая за битвой при Мариньяно серия договоров, заключавшихся конфедерацией с французскими королями, облекла

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. V, стр. 229

² Segesser «Ludwig Pfifffer und seine Zeit» В I, S 634 Bern. 1880.

наем швейцарцев в твердые договорные формы. Обе стороны обязывались оказывать друг другу взаимную помощь, если одна из них подвергнется нападению. В случае военной угрозы король Франции, имевший преимущественное право перед другими государствами в наборе наемников, посыпал требование о наборе властям кантона. После санкционирования его общесоюзным советом командиры, выделенные властями кантона, должны были приступить к вербовке наемников. Размер набора устанавливался от 6 до 16 тысяч человек. Набраные войска должны были служить королю Франции столько времени, сколько ему будет угодно, но обязаны были защищать лишь земли, принадлежавшие ему истори, и не должны были использоватьсь в военных действиях против тех стран, с которыми швейцарцы состояли в аналогичных договорных отношениях. По условиям договоров, каждый кантон получал в общей сложности 3 тысячи флоринов, а союзные земли — по тысяче флоринов в год. Договоры детально устанавливали размеры вознаграждения и сроки его уплаты. Командиры, кроме оговоренных ставок, получали еще так называемые «арромент сесте» и «роугсон естэт» — дополнительные вознаграждения в знак особой благосклонности короля к кому-либо из них; размеры их колебались в зависимости от заслуг и боевых качеств командира и достигали порой весьма значительной суммы. Так, виднейший швейцарский полководец XVI века Людвиг Пфиффер получил за поход 1567 года «роугсон естэт» 600 ливров, т. е. столько, сколько получали в год по договору 1515 года город и аббатство Сен-Галлен и графство Тоггенбургское, взятые вместе.

Французское золото с этих пор становится важнейшим фактором, подчас определяющим политику швейцарских кантона, а профессиональное наемничество и коррупция — проклятием этого воинственного народа. Но следует подчеркнуть значительное отличие швейцарского наемничества от наемничества немецких ландскнехтов и рейтаров. Если в Германии уход в наемные войска был частным делом напоминающегося и приватной статьей дохода немецких князей, то в Швейцарии он был поставлен под контроль властей.

По договору, швейцарцы обязаны были поддерживать французского короля и в случае внутренней войны во Франции, но они не должны были использоватьсь против своих союзников (чтобы предотвратить возможность столкновения соотечественников, которые могли оказаться во враждебных армиях, как это имело место в XV веке). Обе стороны обязывались не разрешать на своих территориях враждебных союзнику

организаций и не брать под защиту закона эмигрантов враждебных политических партий.

Командиры швейцарских наемных войск подробно информировали свои власти о политической обстановке во Франции и действовали строго в соответствии с инструкциями, получаемыми от них. Бесславный для французской короны Амбуазский мир с гугенотами так возмутил швейцарцев, что власти католических кантонов потребовали у полковника Пиффера немедленного возвращения и отказа в повиновении еретику Конде. На это Пиффер успокаивающе отвечал, что «Конде не имеет над ними никакой власти и полномочий, и мы этого ни в коем случае не позволим, а потребуем паспорта и вернемся на родину»¹.

В дальнейшем, в XVI веке, после действия швейцарцев сузилось и ограничилось в основном пределами Франции, где происходили кровопролитные войны между гугенотами и католиками. Союз с Франциком I сделал швейцарцев участниками в общем малоуспешных войн этого монарха, и в лавровый венок победителей при Грансоне и Муртене оказались вплетенными терни поражений при Бикокке и Павии, где швейцарцы понесли большие потери чем во всех своих предыдущих победоносных сражениях, вместе взятых. По договору с Франциком I, швейцарцы обязывались помочь ему против врагов внутренних, «которые будут иметь намерения открыть враждебные действия или выступить против него в королевстве Франции»² и других подвластных ему землях. На основании это-

го пункта договора Швейцария оказалась ргянутой в борьбу партий во Франции, и ее наемные войска играли выдающуюся, если не решающую, роль в многочисленных сражениях религиозных войн.

* * *

Швейцарская конфедерация, начавшая свое существование в конце XIII века в форме слабого союза трех лесных кантонов, расширилась и окрепла в ходе освободительной борьбы, сбросив с себя феодальное владычество немецких князей. Ведя непрестанные войны за свою независимость, швейцарцы создали превосходное войско, почти не знавшее поражений. Но недолго Швейцария наслаждалась свободой, столь воспевающей националистической историографией. На место прежних феодальных владельцев пришли вскоре новые господа — крупные землевладельцы и военная аристократия в лесных кантонах, буржуазный патрициат в городах. Хваленая демократия превратилась в завуалированную форму тирании, а доблестные, но неискушенные в политических интригах швейцарские воины стали объектом беззастенчивого торга своих новых повелителей. Бродя по армиям почти всех монархов Европы, они боролись за чужие выгоды и интересы. Погрязшая в средневековых предрассудках и не гнушавшаяся феодальной эксплуатации крепостных крестьян подвластных ей фортств, швейцарская буржуазия в дальнейшем становится оплотом замшелой реакции в Европе и верной ее помощницей, посылая повсюду своих наемников подавлять революционные выступления народных масс. Она «живет этой торговлей людьми и чтит ее»³.

¹ Segesser, Op. cit. B. I, S. 337.

² Ibidem, S. 64.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. V, стр. 232.

